

УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей?

Сергей Борисович Россинский*

В 2021 г. исполняется 20 лет с момента принятия действующего Уголовно-процессуальный кодекса РФ. С учетом традиционных для национальной системы уголовного судопроизводства нестабильности и достаточно частных перекодификаций законодательства (новый Кодекс – примерно каждые 40–45 лет) это уже очень «солидный» возраст, предполагающий возможность подведения определенных итогов.

Однако нам не хотелось бы в очередной раз посвящать настоящую статью оценке того, насколько разумными, жизнеспособными и соответствующими реальным потребностям российского общества оказались как заложенная в УПК РФ принципиально новая на момент его принятия концепция уголовного судопроизводства в целом, так и идеи, предопределившие построение отдельных уголовно-процессуальных правоотношений в частности. Тем более, что такие оценки, вне всяких сомнений, будут сделаны уважаемыми коллегами, также принимающими участие в «Главной теме» этого номера журнала. Вместо этого хотелось бы рассмотреть и проанализировать несколько иные проблемы, связанные с весьма интересными и сполна отразившимися в УПК РФ законодательными тенденциями, которые направлены на гиперформализацию уголовно-процессуального права, выражаются в стремлении «узаконить» (в узком смысле) гораздо более широкий круг применяемых в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства правил поведения, чем это требует здравый смысл, т.е. постепенно превращают УПК РФ в некий административный регламент[1], в пошаговую инструкцию[2], в «памятку» для неграмотных правоприменителей[3].

Так, Уголовно-процессуальный кодекс РФ явно перегружен положениями сугубо технического характера, не имеющими никакого «высокого» предназначения и не обусловленными никакими правовыми гарантиями эффективности или доброкачественности получаемых результатов. Особое место среди них занимают требования по оформлению процессуальных документов, в частности, правоприменительных актов органов предварительного расследования и суда, предусматривающие их необходимые реквизиты и порядок составления. Например, ч. 1 ст. 171 УПК РФ прямо предписывает следователю указывать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого дату, время и место его вынесения, сведения о вынесшем его должностном лице, фамилию, имя, отчество человека, привлекаемого к уголовной ответственности, описание и точную квалификацию инкриминируемого ему преступного деяния и т.д. Аналогичные или схожие требования вытекают из правил, определяющих форму постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 146 УПК РФ), постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования (ч. 2 ст. 213 УПК РФ), постановления о назначении судебного заседания (ч. 1 ст. 231 УПК РФ), приговора (ст. 304-309 УПК РФ) и многих дру-

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

[1] См.: *Григорьев В.Н.* Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 44.

[2] См.: *Победкин А.В.* Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3. С. 101–111.

[3] См.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 217.

гих уголовно-процессуальных актов. Близкие по содержанию технические предписания существуют и в части нормативной регламентации протоколов, фиксирующих ход и результаты различных следственных либо иных процессуальных действий (например, ч. 3 ст. 141, ч. 3 ст. 166 УПК РФ), судебного заседания (ч. 2 ст. 159 УПК РФ) и др.

Представляется, что если законодатель и далее будет следовать подобным тенденциям, то в скором времени в сферу уголовно-процессуального регулирования вполне могут попасть технические правила, устанавливающие марку принтера, используемого для печати следственных либо судебных актов, цвет чернил или степень разборчивости почерка для заполнения их рукописных реквизитов и т.д. В этой связи остается лишь порадоваться, что в 2007 г. из содержания закона, по крайней мере, были исключены ранее предусмотренные гл. 57 УПК РФ сами бланки процессуальных документов, т.е. исправлена ошибка, в свое время вообще не выдерживавшая никакой критики.

Вместе с тем отмеченные тенденции не ограничиваются лишь «узакониванием» технических правил составления процессуальных документов; они обусловливают и многие другие, может быть, не столь заметные, но тоже достаточно интересные законодательные шаги, предопределяют множество правотворческих решений, использованных как в первоначальной редакции УПК РФ, так и в последующих вносимых в Кодекс изменениях и дополнениях. Эти шаги заключаются в постепенной формализации (в процессуализации), в постепенном введении в текст закона сугубо тактических и технологических рекомендаций, обеспечивающих эффективность и продуктивность различных процессуальных действий и по сути относящихся не столько к предмету уголовно-процессуального регулирования, сколько к предмету криминалистики, судебной экспертологии, юридической психологии и других специальных наук, направленных на оптимизацию правоприменительной практики. Иными словами, Уголовно-процессуальный кодекс постепенно превращается в «учебник криминалистики». Например, чем еще можно объяснить обязательные для исполнения требования к процедуре предъявления для опознания, в частности, предписание о предъявлении объекта совместно с не менее чем двумя другими внешне схожими с ним объектами (ч. 6 ст. 193 УПК РФ)? Как еще можно обосновать случаи обязательного назначения судебной экспертизы для установления причин смерти или характера и степени вреда, причиненного здоровью (п. 1–2 ст. 196 УПК РФ)? Чем еще объясняется содержание ст. 93 УПК РФ, фактически лишь напоминающей следователю о возможности проведения в момент задержания подозреваемого личного обыска, т.е. использования одного из тех процессуальных приемов, которые он вправе осуществлять на протяжении всего предварительного расследования[4]? И т.д.

Что же явилось причиной появления указанных тенденций? Думается, что ответить на этот вопрос не так уж и сложно. Как таковые они возникли задолго до начала работы над проектом действующего УПК РФ, а именно после Октябрьской революции, и во многом обязаны своим зарождением двум основным факторам, повлиявшим на формирование советской уголовной юстиции, в первую очередь, органов предварительного расследования.

1. Перераспределение юрисдикционных полномочий между государственными органами, в частности, изъятие функции предварительного следствия из судебного ве́дения и ее возложение на «силовые» ведомства. Как известно, дореволюционные механизмы предварительного следствия были сконструированы на основании «классической» французской концепции досудебного производства и заключались в деятельности судебных следователей при содействии полиции под наблюдением прокуроров и их товарищей. Однако известные политические катаклизмы 1917 г. предопределили глобальную реформу всей системы государственного управления, что неизбежно затронуло и организацию уголовной юстиции, и порядок реализации соответствующих юрисдикционных полномочий. Детерминированная ленинским лозунгом «Вся власть советам»[5] советская концепция государственного управления исключала существование автономности и независимости судебной системы, поэтому народные судьи и народные следователи («правопреемники» дореволюционных судей и судебных следователей) были закономерно переведены в

[4] Создается впечатление, что разработчики УПК РФ, формулируя содержание процедуры задержания подозреваемого, посчитали, что именно в этот момент следователь, имея достаточные основания для производства личного обыска, почему-то забудет, что наделен соответствующими процессуальными полномочиями. Подробнее об этом см.: *Россинский С.Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М., 2019. С. 132–134.

[5] См.: *Ленин В.И.* Апрельские тезисы // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. 5-е изд. Т. 31. Март ~ апрель 1917. М., 1969. С. 113–117.

подчинение Наркомюста РСФСР (позднее – СССР). В указанный период, – пишет Ю.В. Деришев, – уголовный процесс стал развиваться по вектору подчинения интересам исполнительной власти государства, что было свойственно для всех правовых институтов того времени[6].

Благодаря данным реформам советские правоприменители, обладающие юрисдикционной правосубъектностью, стали рядовыми чиновниками, частицами системы исполнительно-распорядительных органов государства. При таких обстоятельствах все дальнейшие, в том числе кардинальные, реформы уголовной юстиции, в первую очередь органов предварительного следствия, являлись если и не совсем разумными, то, по крайней мере, вполне объяснимыми и понятными. Достаточно вспомнить хотя бы известное и в определенной степени судьбоносное совместное решение ВЦИК и Совнаркома РСФСР 1928 г.[7], предполагающее переход следователей из судебной системы в прокуратуру[8]. С одной стороны, данный шаг обусловил окончательный отказ от каких-либо попыток реставрации дореволюционной модели предварительного следствия, однако с другой – ввиду нахождения всей уголовной юстиции в ве́дении единого Наркомюста РСФСР подобное решение фактически имело не более чем внутриведомственный, организационно-штатный характер, т.е. как бы предписывало перевод сотрудников в иной «главк». Аналогичным образом объясняется и создание в 1938 г. полноценного следственного аппарата НКВД СССР[9] (предтечи будущих следственных подразделений КГБ СССР и ФСБ России), а в 1963 г. – следственных отделов и управлений органов внутренних дел[10]: если уж государство создало прецедент и пошло по пути возложения юрисдикционных полномочий на один внесудебный орган, то что мешало предоставить их второму, третьему и т.д.[11]

2. Вызванный известными причинами постреволюционный кадровый «голод», отсутствие на службе у советской власти достаточного количества профессиональных и опытных юристов, способных «переварить» весь объем уголовных дел, особенно в условиях резкого всплеска преступности. В этой связи государство пошло на весьма рискованный, но в то же время вынужденный шаг – стало комплектовать органы уголовной юстиции за счет идеологически преданных советской власти, но не имеющих надлежащих знаний, умений и навыков категорий лиц: рабочих, солдат, матросов и т.п. Кстати, вполне вероятно, что по той же причине началась постепенная процессуализация работы органов дознания, выраженная в сближении их функций с функциями следователей, в их наделении не сугубо «полицейскими», а юрисдикционными полномочиями, в том числе предполагающими возможность производства следственных действий и собирания полноценных доказательств, равных по юридической силе, доказательствам, полученным следователем или в ходе судебного заседания. «В силу малочисленности следственного аппарата, – утверждал в середине 1920-х гг. известный ученый В.И. Громов, – прохождение уголовных дел через органы дознания представляется вполне обоснованным и целесообразным»[12].

Думается, что именно эти факторы и обусловили постепенную процессуализацию множества технических правил работы уголовной юстиции, тактических и технологических рекомендаций, обеспечивающих эффективность и продуктивность досудебного и судебного производства и т.д. Ведь, с одной стороны, столь жесткая формализация деятельности органов дознания и предварительного следствия, обременение осуществляемых ими познавательных и правообеспечительных процедур множеством дополнительных юридических гарантий позволила в определенной степени усилить их процессуальную надежность, «компенсировать» внесудебный (исполнительно-распорядительный)

[6] См.: *Деришев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. … докт. юрид. наук. Омск, 2005. С. 29–30.

[7] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. «Об изменении Положения о судоустройстве РСФСР».

[8] Идеологом данного решения считается А.Я. Вышинский, который настаивал на необходимости низведения следователя до роли «помощника» прокурора по проведению следственных действий. Подробнее см.: *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Курс уголовного процесса. Т. 1. Судоустройство. 2-е изд. М., 1936. С. 459-461; *Цветков Ю.А.* Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3. С. 36.

[9] Приказ НКВД СССР от 22 декабря 1938 г. «Об организации Следственной части НКВД СССР».

[10] Указ Президиума ВС СССР от 6 апреля 1963 г. № 1237-VI «О предоставлении права производства предварительного следствия органам охраны общественного порядка».

[11] Более подробно о причинах, повлиявших на формирование раннесоветской системы уголовной юстиции и предопределивших тенденции ее развития на все последующие годы, см.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу … С. 21–46.

[12] См.: *Громов В.И.* Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. 2-е изд. М, 1926. С. 13.

характер соответствующих результатов, в частности, обеспечить более высокую доброкачественность доказательств, собираемых в ходе досудебного производства, но при этом имеющих изначально равную юридическую силу с доказательствами, полученными самим судом. С другой стороны, возведенные на законодательный пьедестал буквально пошаговые инструкции, во многом превратившие уголовно-процессуальный закон в административный регламент, в «памятку», в «учебник криминалистики», позволили добиться еще одного эффекта. В определенной степени они повлияли на обеспечение законности действий и решений лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, но при этом не обладающих надлежащим уровнем профессионализма, правосознания, правопонимания, правовой культуры и другими качествами, необходимыми для осуществления правоприменительной и правоохранительной деятельности, т.е. тех самых бывших рабочих, солдат, матросов и др., пришедших на службу в органы уголовной юстиции после установления советской власти.

Однако представляется не совсем понятным, почему предпринятые раннесоветским законодателем шаги, направленные на усиление формализации уголовного судопроизводства, не были прекращены, а превратились в устойчивые тенденции, которые резко усилились именно в последние годы, оказав и продолжая оказывать существенное влияние на действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Ведь ни УПК РСФСР 1923 г., ни более поздний УПК РСФСР 1960 г., уже будучи подвержены указанным тенденциям, не содержали стольких технических правил, тактических и технологических рекомендаций, сколькими характеризуется нынешнее законодательство. В частности, в УПК РФ была резко усилена формализация не только досудебного, но и судебного производства; появились более содержательные по сравнению с прежними кодексами «памятки» по проведению судебных действий и оформлению судебных решений (например, ст.ст. 231, 259, 304–309 УПК РФ и т.д.).

В этой связи, конечно, можно высказать предположение, что, работая над проектом УПК РФ, его авторы в чем-то уподоблялись раннесоветскому законодателю, а именно, в определенной степени исходили из имевшего место в то время кризиса судебной и правоохранительной систем, приведшего к резкому кадровому «голоду». Ведь ввиду известных причин в 1990-е гг. был утрачен престиж соответствующих юридических профессий, осложнены условия работы и сокращено финансирование следователей, прокуроров, судей и т.д., что закономерно привело к оттоку профессиональных и опытных кадров и не могло не повлиять на проводимую государством уголовно-процессуальную политику.

Однако данный кризис все-таки не возымел столь разрушительных последствий, кои были присущи ситуации, сложившейся в начале 1920-х гг. Тем более, что в последнее время государству в целом удалось справиться с кадровым «голодом» и постепенно начать преодолевать последствия кризиса. Тогда как количество вводимых в УПК РФ технических правил, тактических и технологических рекомендаций, наоборот, постоянно увеличивается. И за примерами далеко ходить не надо. Достаточно хотя бы вспомнить введенные в 2009 г. правила составления досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 317^3 УПК РФ) или введенные в 2018 г. особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164^1 УПК РФ).

Поэтому более состоятельной представляется несколько иная гипотеза. По всей вероятности, засилье подобных технических правил, тактических и технологических рекомендаций можно объяснить вызванным известными причинами деструктивным законотворческим климатом конца 1990-х гг. и стремлением российской власти в кратчайшие сроки обновить большое количество законов в условиях сильного давления различных политических, в том числе зарубежных, сил. В этой связи УПК РФ разрабатывался и принимался весьма поспешно, в условиях ожесточенных дискуссий[13], без надлежащей доктринальной проработки и четкого осознания перспектив дальнейшего развития уголовного судопроизводства.

Вне всяких сомнений, входящие в группу разработчиков Кодекса крупные российские ученые-процессуалисты, конечно, понимали (не могли не понимать!) разницы между уголовным процессом и криминалистическими рекомендациями, между «высоким» предназначением уголовно-процессуальной формы и техническими правила-

[13] См.: *Гаврилов Б.Я.* Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сборник статей / под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. СПб., 2018. С. 46.

ми составления официальных документов. Однако, будучи чересчур сильно увлечены модными на тот момент трендами развития российского уголовного процесса (правами обвиняемого, презумпцией невиновности, состязательностью, судом присяжных и т.п.), они, видимо, просто не уделяли более «приземленным» вопросам должного внимания, оставляя эту «черную» работу своим коллегам — как правило, представителям практических органов (суда, прокуратуры, «силовых» ведомств), обладающим богатым практическим опытом, хорошо разбирающимся в тонкостях процессуальной «бюрократии», делопроизводства и документооборота, но при этом, к сожалению, не имеющим надлежащих теоретических знаний либо (что еще более вероятно) считающим их излишними.

При подобных обстоятельствах превращение УПК РФ из Закона в «высоком» понимании этого термина в некий административный регламент, в пошаговую инструкцию, в «памятку» для неграмотных правоприменителей уже не выглядит странным, а представляется вполне закономерным. Более того, для такого подхода вполне приемлема и предпринятая в 2001 г., но, к счастью, оказавшаяся неудачной, попытка «узаконивания» бланков процессуальных документов, позднее исключенных из текста УПК РФ.

Однако наиболее негативные последствия подобная правотворческая политика вызывает в части постоянно вносимых в текст уголовно-процессуального закона все новых и новых изменений и дополнений, вообще не предполагающих единой концепции и нередко являющихся следствием лоббирования своих интересов определенными государственными органами и (или) кипучей энергии отдельных представителей власти, особо не утруждающих себя погружением в тонкости уголовно-процессуальной науки и правоприменительной практики. Кстати, подобные поправки, вообще, достаточно часто имеют импульсивный характер и рассчитаны не на долгосрочный эффект, а на сиюминутное устранение насущных проблем, на экстренное «затыкание дыр»[14].

[14] В своих предыдущих публикация автор настоящей статьи аллегорически сравнивал одну из таких реформ с кефирной или гречневой диетой, позволяющей за пару недель сбросить несколько лишних килограммов, но в то же время опасной быстрой реакцией – резким увеличением массы тела после окончания режима диетического питания. См.: *Россинский С.Б.* Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10. С. 95.

Завершая настоящую статью, хотелось бы выразить резко негативное отношение к рассмотренным тенденциям и посоветовать законодателю как можно скорее пересмотреть данный подход к уголовно-процессуальному правотворчеству. Ведь если дознаватель, следователь, прокурор или судья не обладают достаточным уровнем профессионализма, правосознания, правопонимания, правовой культуры, не владеют необходимыми тактическими или технологическими приемами и практическими навыками по производству процессуальных действий, по оформлению уголовно-процессуальных актов либо иных документов, то он вообще вряд ли достоин замещать должность в органах государственной власти, предполагающую наделение его юрисдикционными полномочиями. Вместо превращения УПК РФ в пошаговую инструкцию в «памятку» для неграмотных правоприменителей, в «учебник криминалистики» и разъяснения им на законодательном уровне элементарных азов правовой культуры (например, обязательных реквизитов юридически значимых документов) или восполнения недостатков их юридического образования государству следует менять кадровую политику в отношении своих служащих, назначая на соответствующие должности подлинно профессиональных юристов.

Уголовно-процессуальная форма должна оставаться юридической формой, т.е. иметь «высокое» предназначение, обусловленное соответствующими правовыми (а не техническими, тактическими или технологическими) гарантиями доброкачественности. Поэтому она и требует не просто нормативной, а именно законодательной регламентации, предполагающей особый, усложненный порядок правотворчества. В то же время сугубо прикладные аспекты проведения процессуальных действий и оформления процессуальных документов в подобной формализации не нуждаются. При необходимости соответствующие правила и рекомендации могут быть закреплены в методических документах и публикациях, направленных на оптимизацию и обеспечение единообразия правоприменительной практики.

Библиографический список

1. *Вышинский А.Я., Ундревич В.С.* Курс уголовного процесса. 2-е изд. Т. 1. Судоустройство. М.: Советское законодательство, 1936.

2. *Гаврилов Б.Я.* Современное досудебное производство: законодательные мифы и реалии 15-летней практики применения УПК РФ // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: уголовная юстиция XXI века (к 15-летию практики применения УПК РФ): сб. статей / под ред. Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. СПб.: СПбГУ, 2018.
3. *Григорьев В.Н.* Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник СПбГУ. Право. 2018. Т. 9. Вып. 1.
4. *Громов В.И.* Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. 2-е изд. М: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
5. *Дерешев Ю.В.* Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дис. … д-ра юрид. наук. Омск: ОмА МВД России, 2005.
6. *Ленин В.И.* Апрельские тезисы // Полное собрание сочинений В.И. Ленина. 5-е изд. Т. 31. Март – апрель 1917. М.: Политиздат, 1969.
7. *Победкин А.В.* Уголовно-процессуальный кодекс: форма живого права или «бездушная» инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3.
8. *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021.
9. *Россинский С.Б.* Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М.: Проспект, 2019.
10. *Россинский С.Б.* Каким должен быть российский следователь? (к 25-летию Концепции судебной реформы РСФСР) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 10.
11. *Цветков Ю.А.* Исторические этапы развития органов предварительного следствия в России // История государства и права. 2015. № 3.

Эволюция подхода к допустимости доказательств в отечественном уголовно-процессуальном праве от Уставов уголовного судопроизводства до УПК Российской Федерации

Антон Евгеньевич Федюнин*, Наталья Михайловна Перетятько**

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), демонстрируя отказ от репрессивной юстиции, заложил принципиально новый смысл в нормы доказательственного права. Однако многие новеллы оказались нивелированными посредством их приспособления к сложившейся практике и представлениям о справедливости в определенные исторические периоды. В полной мере это отразилось и на институте допустимости доказательств.

Допустимость доказательств была и остается одной из ключевых проблем теории доказывания, острота и актуальность которой лишь повышается с каждым годом в связи с развитием науки и законодательства. До сих пор нормативно не определена дефиниция допустимости, а перечисленные в уголовно-процессуальном законе критерии признания доказательств недопустимыми отличаются, с одной стороны, чрезмерной конкретизацией, а с другой, расплывчатостью, отдавая на усмотрение правоприменителя, например, толкование вопроса о нарушении закона, которое делает доказательство недопустимым.

Вопрос о том, почему современное законодательство, регламентирующее вопросы допустимо-

* Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (СГЮА).

** Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии (СГЮА).